

К Р О К О Д И Л

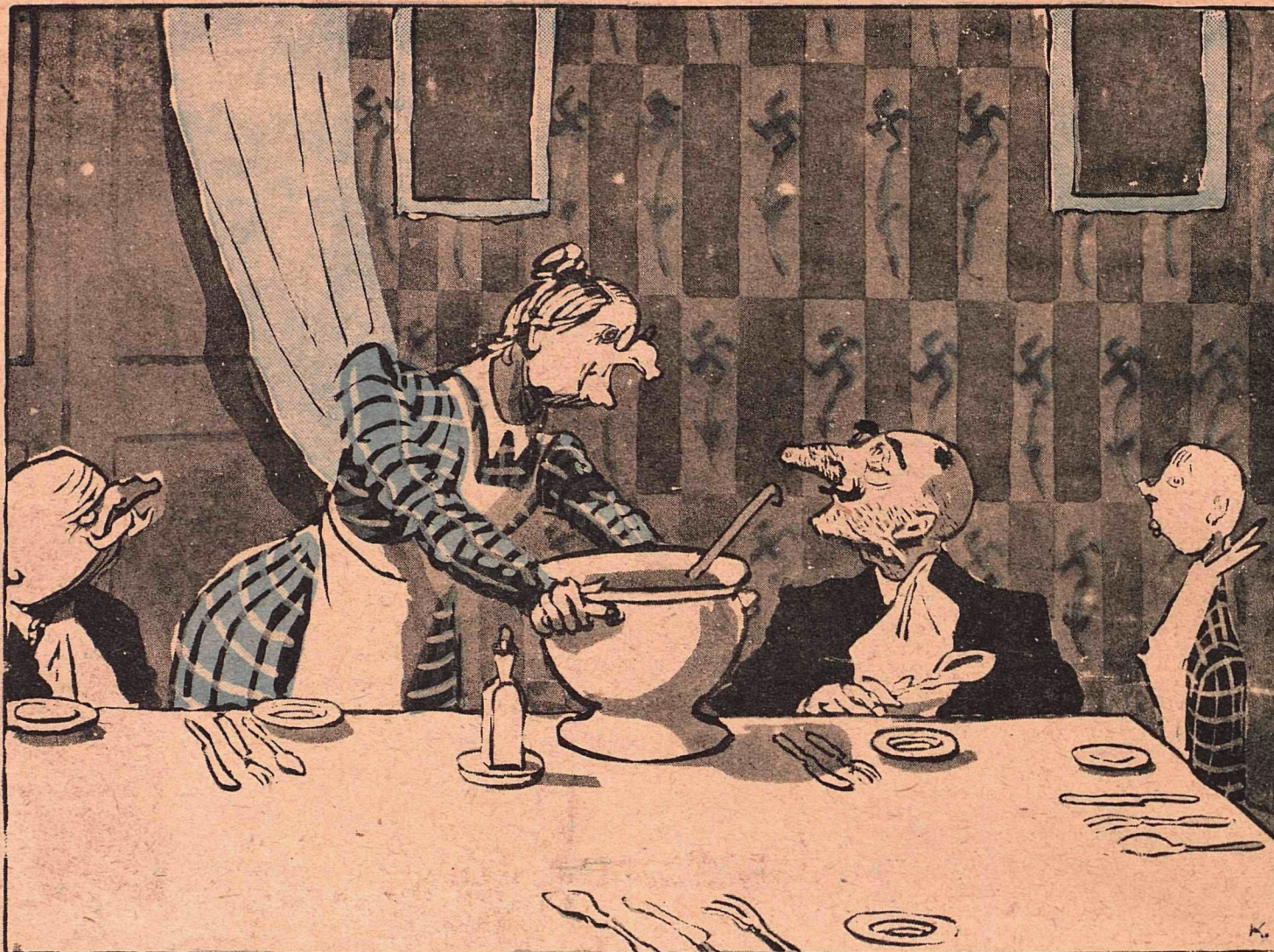


Рис. Л. Бродаты

НОВОСТИ КУПАЛЬНОГО СЕЗОНА

За последнее время наблюдается большая текучесть немецких бургомистров.

Рис. А. Каневского



— Нашему Рудольфу сегодня перебежала дорогу черная кошка.
— Что же будет?
— А вот сейчас попробуем.

Бей, чтоб стала жизнь счастливой!

На защиту нашей доли
Вся страна призвала нас,
Повела нас по раздольям
И дала такой приказ:

Бей, чтоб стала жизнь счастливой,
Враг чтоб спинул навсегда,
Бей за села, бей за нивы,
Бей за наши города!

Скоро, скоро враг узнает
Гибель верную свою,
Эй, винтовка нарезная,
Милый друг в любом бою,

Бей, чтоб стала жизнь счастливой,
Враг чтоб спинул навсегда,
Бей за села, бей за нивы,
Бей за наши города!

Чтобы прокнутлся затылком
Гад, идущий в злой налет,
Эй, ты пушка-молотилка,
Эй, товарищ пулемет,

Бей, чтоб стала жизнь счастливой,
Враг чтоб спинул навсегда,
Бей за села, бей за нивы,
Бей за наши города!

Александр ПРОКОФЬЕВ

Ленинград.

Ненависть

П ОЧТИ каждую неделю Никита Краухин, лохматый, всклокоченный, с деревянной ногой, уходит из деревни неведомо куда. Возьмет косу или топорик и ковыляет то на север, то на запад.

На севере шумит дремучий лес. В нем живут партизаны. А на западе, по большой заболоченной низине, вьется железнодорожная насыпь с мостиками, водопусками... Партизаны уже не раз взрывали насыпь, каржили мосты. А это очень важная магистраль, и немецкое начальство сильно тревожится за нее. День и ночь возле насыпи и у леса похаживают солдаты, требуют у крестьян ярлыки. Если человеку надобно побывать в лесу или на лугах, он должен пойти к старосте Трофиму Лепехину и получить ярлык. Лепехин знает, кому можно дать ярлык, кому нет.

В Никите Краухине староста не сомневается, так как Никита — не колхозник, а единоличник. Он до сих пор неграмотен и так темен, как ни одна, даже самая ветхая деревенская старушка. К тому же характер у него вздорный, неуравновешенный: было человека, с которым Никита раз десять не поссорился бы. Оттого-то староста и не сомневается в этом человеке и охотно дает ему ярлыки.

Сперва Никита брал ярлыки для того, чтобы накосить травы, наловить карасей, надрать лыка. Он и теперь не возвращается пустой: несет грибы, жолуди, траву, карасей, — но главная его цель иная: он ходит в лес, чтобы видаться с партизанами.

А немцам, пришедшим в эту деревню, вероятно, думается, что Никита прямо-таки благословляет их. По ходатайству старосты они освободили Никиту от тяжелой трудовой повинности и еще ни разу не били его, не штрафовали... Правда, солдаты, квартирующие в соседней избе, трижды пробовали ограбить Никиту, да ничего не вышло.

Никита так рассказывает об этом:

— Они меня считают вроде за своего, и чтобы в зубы ударить или поиграться по спине прикладом, ни-ни-ни! Слов нет, обокрасть хотели и солдат в мою избу поставить тоже хотели, только я их обхитрил. Все, чего у меня было, я зарыл под полом, а под половицы уложил три больших куса конины. Жарко, конина-то гниет, и в избе такой дух, что у непривычного человека в голове хрустеть начинает. Войдут они ко мне, понюхают, закачаются и скорей — на волю... Намедни со станции пригнали новеньких... этих, как их... лезервистов. Человек пятьдесят пригнали. Унтер ходит с ими по улице и пальцем на избы тычет: дескать, двое — в эту избу, трое — вон в ту... Смотрю — четыре лезервиста ко мне идут. Вошли, зажмурились, изогнулись и задом, задом да и на улицу. Нагоняют унтера и, видать, докладывают ему: дескать, в той избе мы помрем. А унтер как ощерится на них: приказ, мол, вам от меня даден — вы должны его споднить. Гляжу, опять идут. Вошли вроде смело, пихнули дверь: дескать, пушай свежий воздух найдет. Свежий-то воздух низом пошел, а

ДОСУГ РУМЫНСКОГО ОФИЦЕРА В ОДЕССЕ

Рис. В. Горяева.

конячья гниль — верхом, прямо им в самы ноздри... Ну, где тут выдержать. Выскочили: они в прогал и не знают, чего им делать: приказ даден, а сполнить его возможности нету. Как раз дождик пошел и ветер злой дует, и нету им нигде кватеры. Положили это они мешки у катуха, прижались, сидят, смотрят на мои окошки, и на личностях у них тоска-горе. Один лезервист — годов ему, видно, уж сорок восемь — посидел, заморгал и — истинное мое слово — заплакал. Гляжу на них, и прямо вся кровь кипит от веселой злобы: «Э-э! Еще не так заплачете!..»

Никита рассказывает партизанам о тяжком фашистском иге, о прабегжах, о голоде. Недавно он рассказал о «демонстрации», которую хотели устроить в деревне немцы:

— А писарем у них служит вроде как ученый студент. У-ух, змея! Не приведи бог, кажда змея! Намедни Трошка Лепехин изгинается перед им: дескать, прямо нам это удивительно, до чего вы, ваше благородие, по-русски чисто говорите. А он: «Я, староста, насчет языка самый высший курс прошел и могу говорить даже с негрою!.. Видать, большое образования змея имеет. И чуть что, офицер его включает: дескать, объясни мужикам мою волю. А мужиков-то у нас — Лука Свиридов, Егор Климушкин да я. Намедни приехали ихние хотографы, и офицер приказал собрать весь народ и демонстрацию с портретом Гитлера делать, а хотографы пушай сымут, как народ ходит по селу с Гитлером... Ну собрались. Офицер кричит, а писарь нам объясняет: пушай, дескать, мужики возьмут портрет, несут его и делают на лице улыбку и удовольствие, а за мужиками пушай идут бабы и тоже делают улыбку и удовольствие. И показывает на Луку Свиридова и на Егора Васильича Климушкина: вот, мол, этим людям надо дать портрет Гитлера, — они старенькие, с бородами, и хотография выйдет с авторитетом. Лука Свиридов взял этого Гитлера, а сам трясется, моргает, и по лицу у него такая несчастье, что не поймешь: чихнуть он хочет или собирается сейчас помереть. Хотографы кричат: дескать, нету у него на лице улыбки и удовольствия, а одно трясение, — сымать мы это не будем. Офицер тоже кричит, а писарь обратно кричит: «Пушай портрет возьмет вон этот старик!» И показывает на Егора Васильича. А Егору Васильичу совестно: человек русский, коренной советский, а на хотографии выйдет с Гитлером... И говорит Егор Васильич писарю: «Не могу, ваше благородие, у меня грыжа. Шага не шагну, упаду!..» Писарь ему: «Молчать!» И как только ему Гитлера дали и хотографы уже изгнулись, чтобы, значит, сымать, он возьми да и хлопнись прямо на Гитлера. Бабы — кто куда, а офицер кричит, хотографы кричат... Унтер и еще два солдата взяли Егора Васильича, оттащили к плетню и сапожницами прямо в лицо и в грудь...

Никита рассказывает партизанам и о себе, о том, что претерпевает он сам:

— Намедни приехали три каких-то ихних чиновника и все ходили с писарем по улице. Повстречали меня подле пожарного сарая, — писарь кричит: «Иди сюда!..» И говорит что-то чиновникам, а те разглядывают меня и ржут, ровно жеребцы. Писарь показывает на телегу: «Возьми вон эту веревка». Гляжу — на грядке телеги висит трепанная веревка. Взял я ее, жду... А писарь: «Спускай штаны... Что будешь делать, — спустил. «Сделай две дырка». Трясусь от злобы, а все-таки проковырял в портах две дырки... «Сунь туда веревка». Просунул я через дырки веревку. «А теперь иди и веревку не сымай, пока не прикажу!..» Иду я, а из портов у меня будто хвост до самой земли висит... Они глядят на меня и ржут, ржут, ровно жеребцы... Пришел я домой, сел, и такое со мной тут было, чего с самого малолетства не помню: сижу и голосом плачу...

За эти три месяца Никита рассказал множество таких историй. Почти всегда, кончив рассказ о себе, Никита заключает:

— Да про меня чего и говорить! Они меня считают вроде за своего человека, и я не вижу того горя-мучения, как другие. Но все одно — чужие мое хуже всякой скотины.

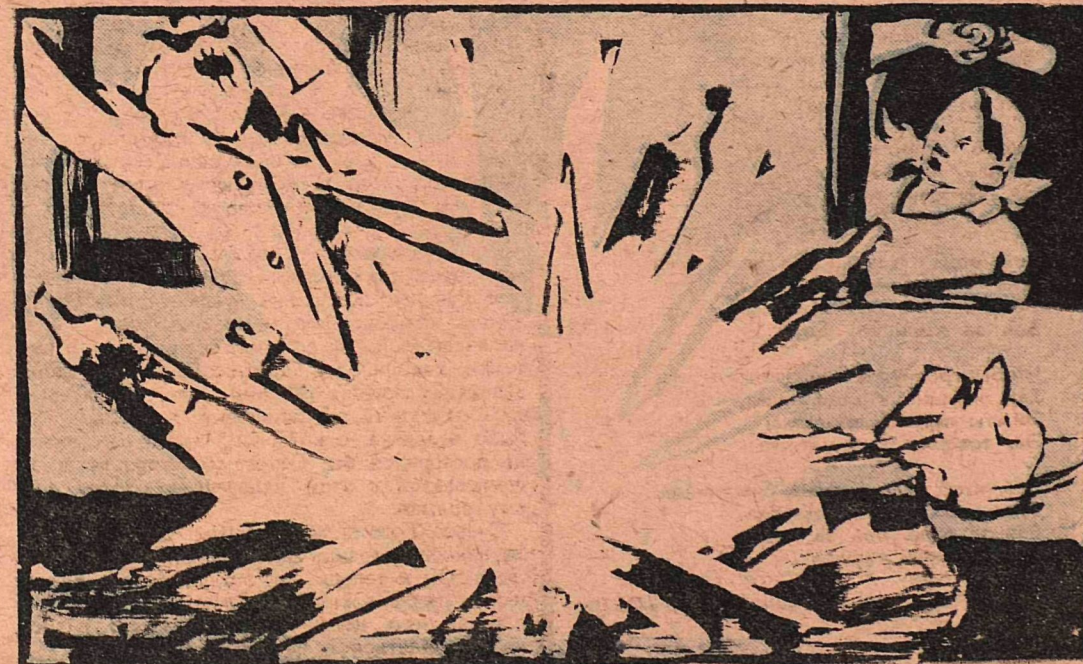
А. КОЛОСОВ



Карты.



Вино.



Женщины.

О том, как натрепались Иван Иванович и Иван Никифорович

ИТАЛЬЯНСКИЕ В

Рис. А. Баженова

ОНИ сидят в одной комнате — старший регистратор Иван Иванович и младший инкассатор Иван Никифорович.

Оба заняты делом — гоняют по счетам костяшки и цифирью украшают книги. Но иногда они прерывают свои занятия минут на пятнадцать, — во-первых, для перекурки, а во-вторых, «надо же маленько и потрепаться».

Несколько дней назад Иван Иванович тайно спросил Ивана Никифоровича:

— Слыхали?

У Ивана Никифоровича екнуло сердце. Трепеща и волнуясь, он шопотом произнес:

— Нет. Ничего. А что такое?

— Товарищ Перепелкин ездил в Сызрань. В командировку. Ну и...

— Что? Что такое?

— Короче говоря, крушение. Пассажирский наскочил на товарный. Очень сильно пострадал...

— Перепелкин?

— Нет. Паровоз. А с Перепелкиным — ничего. Все обошлось благополучно.

Назавтра Иван Никифорович тайно спросил Ивана Ивановича:

— Слыхали?

У Ивана Ивановича екнуло сердце. Трепеща и волнуясь, он шопотом произнес:

— А?

— Насчет Перепелкина. Он, как вам известно, ездил в Саранск. К жене. Ну и съездил!

— А что случилось?

— Паровоз наскочил на ревизора службы движения. Очень сильно пострадал...

— Кто — ревизор?

— Нет. Ревизор не пострадал.

— Паровоз?

— С паровозом ничего не случилось. А Перепелкин упал с верхней полки и разбил свои ручные часы.

В тот же день перед уходом со службы Иван Иванович тайно спросил Ивана Никифоровича:

— Слыхали?

У Ивана Никифоровича, как сами понимаете, екнуло сердце. Нетрудно догадаться, как, трепеща и волнуясь, он шопотом произнес:

— Нет. Ничего. А что такое?

— Опять насчет Перепелкина. Я уже вам говорил, что он ездил в Сарапуль.

— Крушение? Знаю.

— Так вот у Перепелкина в результате крушения перелом правой ноги.

Назавтра рано утром Иван Иванович... Ах, нет, ошибаюсь — Иван Никифорович... Сегодня его очередь. Так вот Иван Никифорович спросил (конечно, тайно!) Ивана Ивановича:

— Слыхали?

И так как сегодня очередь трепаться Ивана Никифоровича, то сердце екнуло у Ивана Ивановича. И это именно он, Иван Иванович, трепеща и волнуясь, шопотом произнес:

— А?

— С Перепелкиным неладно. Как вам известно, он ездил в Сычевку. На свой индивидуальный огород. Попал в крушение.

— Перелом правой ноги?

— Все это ложный слух насчет правой ноги. Сушная сплетня!

— Значит, все благополучно?

— Ничуть. Обе ноги ему отрезало.

Прошел еще день. Опускаем все подробности. Сообщаем лишь о кратком рассказе Ивана Ивановича Ивану Никифоровичу:

— Так вот о Перепелкине. Дело, видите ли, такое. Ехал Перепелкин, как вам известно, в Суздаль. К тете. Налетел на поезд фашистский самолет. Перепелкин испугался, выбросился на всем ходу из вагона и после страшных мучений погиб. Хороший был человек... Похороны в субботу.

А назавтра между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем состоялась такая дружественная беседа:

— Я только что Перепелкина встретил.

— Я с ним даже разговаривал.

— А какие слухи про него ходили..

— Ужас!

— Он, оказывается, никуда и не ездил.

— Конечно, никуда не ездил. И вообще жив-здоров.

— Любопытно: кто же распространяет все эти слухи?

— Некоторым типам нечего делать, вот и треплются...

Г. РЫКЛИН

ПАРТИЗАНЫ НЕ ДРЕМЛЮТ (В Югославии)

Рис. Г. Валька



— О, майн гот! Опять график движения сломан, и притом вместе с моей ногой.



— Нам грозит голодная смерть.
— Почему? (Ведь урожай, как же...)
— Да, но в Германии недород.

История похода

Было у Отто быстрое мото. Видите, вот он с мото на фото.

Первая рота — мотопехота. После налета — грабить охота.

«Вот тебе, Лотта, пудра от пота, шкурка енота, тук коверкопа.»

Новые боты русской работы. Граблигер Отто, первая рота».

Годик похода, но после года





ВЕЧЕРАМИ наши батареи на некоторое время умолкают специально для того, чтобы солдаты немецкой горно-егерской дивизии, стоящей по ту сторону крутой заполярной сопки, могли спокойно поразмыслить над своим будущим: сколько осталось им жить, удастся или не удастся выбраться из русской Арктики? В те спокойные минуты, которые мы им отводим на размышления, солдаты успевают иногда и помечтать, и забыться в сладостных воспоминаниях, и сочинять друг другу сказки.

Правда, на их родине сказки теперь иные, чем были раньше. Раньше, например, сказки обычно начинались так: «Жили-были...» или «В некотором царстве...» Теперь у сказок другое начало: «Германское верховное командование сообщает...»

Но ефрейтор Карл Уммер рассказал на днях солдатам оригинальную и увлекательную сказку:

— У нас есть, да будет вам известно, семь горно-егерских дивизий, дорогие мои соотечественники. Вы знаете, мои славные однополчане, что эти семь доблестных дивизий были в боях и каждая из них, слава нашему фюреру, понесла в этих легендарных сражениях величайшие потери на благо Германии. Не скрою от вас, славные мои земляки, что в некоторых полках выбыли из строя почти все офицерские чины. А рядовые жертвовали собой во славу фюрера тысячами...

Не перебивайте меня, друзья, а то русские пушки скоро начнут стрельбу и нельзя будет продолжать сказку — мне надо торопиться, до конца еще далеко. Итак, друзья, дивизии наши тают. Но есть у нас восьмая горно-егерская дивизия, которая, слава нашему фюреру, не имеет потерь. Наоборот, она все растет и растет: в нее вливаются лучшие кадры офицеров и солдат. Ни один ее солдат

никогда не дезертирует и не сдастся в плен, никогда не отступает ни на дюйм назад, как бы силен ни был огонь русских.

Вы не знаете, дорогие соотечественники, про восьмую дивизию, но она здесь, она близко от нас. Мне рассказал про нее фельдфебель Курт Гиббель. Он сказал мне, что всякий, попавший в эту дивизию, — а туда уже попало много наших знакомых, — никак не может быть убит. Что? Уже стреляют? Лезьте в блиндаж, лезьте в блиндаж! Кто уцелеет, того прошу завтра дослушать, конец сказки.

Назавтра Карл Уммер повторил сказку с начала, так как вместе с немногими уцелевшими пришло дослушивать много новичков, проявивших величайший интерес к необыкновенной дивизии.

На этот раз рассказчик говорил торопливо.

Посыпались вопросы:

— Кто формирует дивизию?

— Как в нее попасть?

— Где она стоит?

Карл Уммер отвечал на вопросы обстоятельно:

— Кто формирует? Формируют... русские. Как попасть? Попасть легко: показаться на глаза советскому снайперу. Где восьмая дивизия стоит? Она не стоит. Она лежит. Здесь, в земле. Ее личный состав — это все наши доблестные покойники...

И Карл Уммер захохотал, не дожидаясь смеха слушателей. Смеха и не было. Но солдаты крепко запомнили веселую сказку про необыкновенный «Ахтдивизион», и она очень популярна стала в немецких горно-егерских войсках, действующих в Заполярье.

«Ахтдивизион» — восьмая дивизия — это теперь крылатое слово.

М. ШУР

Карельский фронт.

УСЛУЖЛИВЫЙ ЛАВАЛЬ

Рис. К. Елисеева

Джузеппе,
я, хороший.



Граблигера Отто

что-то от Отто
лет перевода.

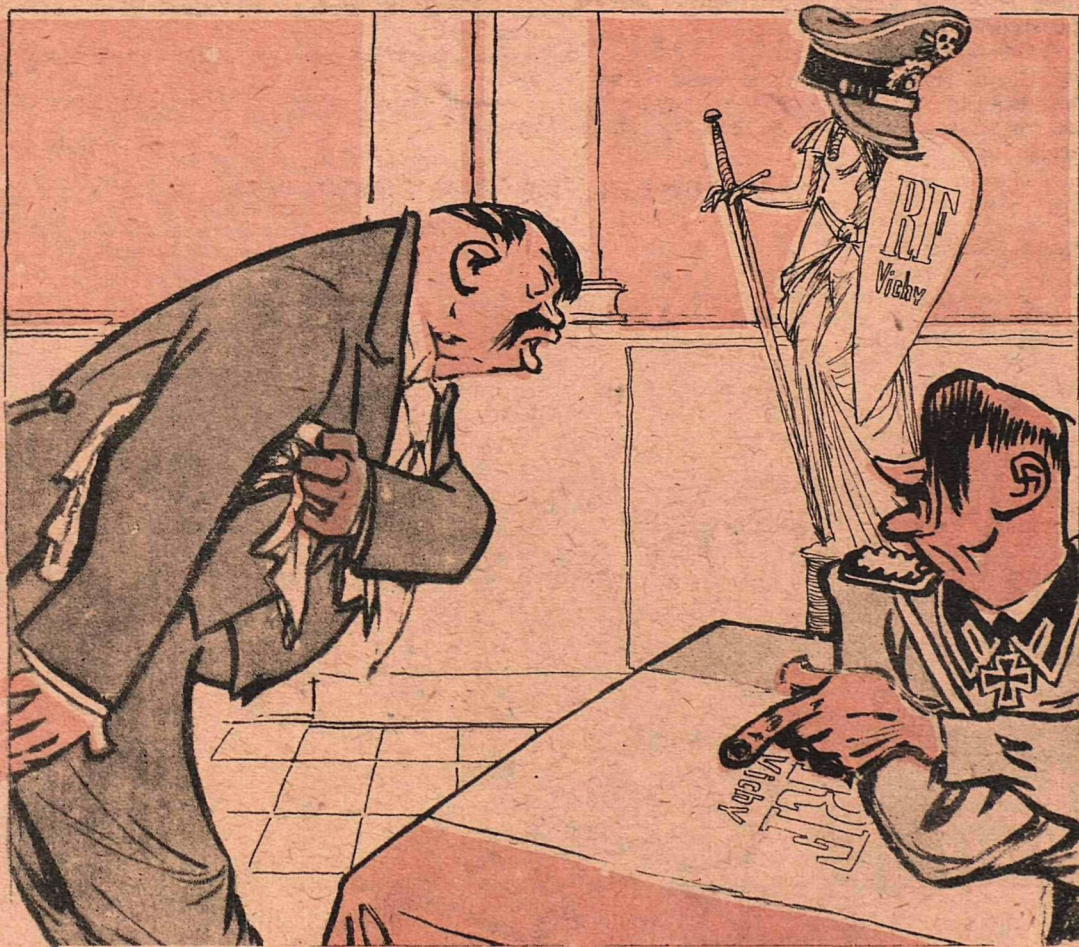
Если бы Лотта
знала про Отто,
взмокли б от пота
полы капота!

У поворота
брякнулось мото,
влезла в болото
первая рота...

Дед с пулеметом
вымолвил: — То-то!
Не лез бы ты, Отто,
в наши ворота!

Семен КИРСАНОВ

Калининский фронт.

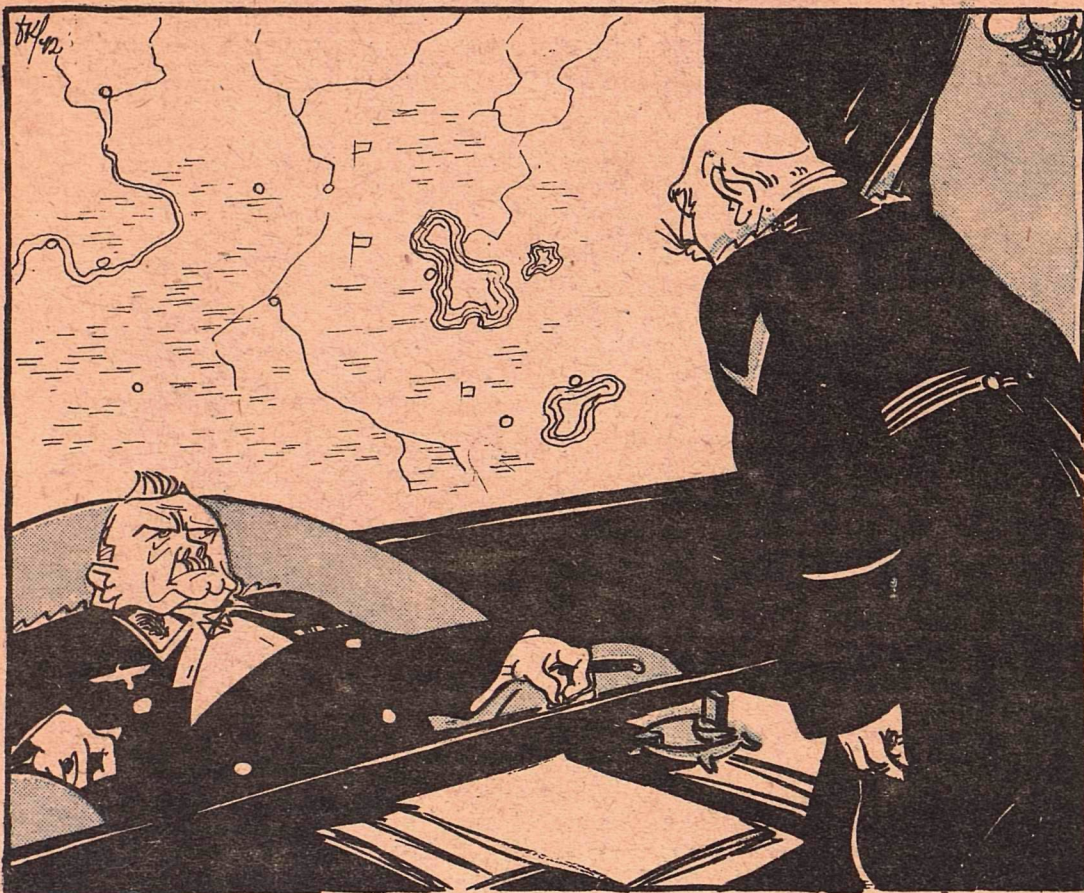


— Что еще прикажете подать, господин фюрер?

— Тысячу паровозов и сорок тысяч вагонов. Если не можете, —
подайте в отставку.

ОПОЗДАЛ

Рис. Б. Клинка



— Господин полковник, за проявленную неспособность вы теперь будете командовать ротой вместо полка.
— Простите, господин генерал, но я и так после последнего боя имею роту вместо полка.

Тойло исправился

СОТРУДНИКА хельсинкского радиовещания Тойло вызвал к себе редактор. Редактор посмотрел на Тойло взглядом, в котором не было нежности, и сурово сказал:

— Нам придется расстаться.
— За что? — спросил Тойло грустно.
— У вас нет способностей, — сказал сурово редактор. — Мне казалось, что ваш опыт работы шпионом поможет вам работать по антисоветской пропаганде. Мне казалось, что вы умеете ничем не брезговать.
— Я не брезгую, — сказал Тойло умытым голосом, — кажется, стараюсь. Чем же это я брезгую? Кто писал, что большевики в деревнях убивают женщин в возрасте свыше 50 лет? Кто писал о научном открытии, которое доказывает, что у большевиков вместо души — пар...
— Пар, пар, — брюзгливо сказал редактор, — все это не по.
— Я исправлюсь, — сказал Тойло.
— Когда? — спросил редактор.
— Завтра.
— Хорошо. Только не позже. Если к завтрашнему дню вы не принесете что-нибудь сенсационное, то вы будете уволены.
Тойло не пошел домой. Он решил остаться в редакции и думать. Уже совсем под вечер ему позвонила жена.
— Ты придешь? — спросила она.
— Нет, — ответил он. — Я думаю.

Она вскрикнула. Опыт совместной жизни учил ее тому, что это состояние у Тойло неизменно переходит в широкое и лихое пьянство.
— Дети уже спят, — сказала она, желая тронуть его сердце.

В голове его мелькнула мысль. Не попрощавшись с женой, он положил трубку на рычаг. Дети. Хорошо. Это ему еще не приходило в голову. Он еще ни разу не писал о

детях. Сейчас он расправится с большевистскими детьми.

Тойло взял лист бумаги и стал писать:
«В Восточной Карелии начали работать школы. Учителя рассказывают, что чрезвычайно трудно привить детям, учившимся в советских школах, навыки культурного поведения. На уроке географии дети, например, удивлялись, что в Финляндии известно о том, что земля представляет собой шар. В советских школах им говорили о том, что то, что земля представляет собой шар и вертится, открыто в СССР, известно только там, в странах же Западной Европы люди якобы считают, что земля представляет собой плоскость. О Колернике дети никогда не слышали. Учащиеся старших классов не знали, как называется столица Финляндии...»

Тойло облизнулся. Голова его горела. Он старался изо всех сил.

Утром он вошел к редактору в кабинет и положил свою статью на редакторский стол.

— Ну, что ты тут нацарапал? — спросил редактор и стал читать статью.

Тойло внимательно наблюдал за редактором. Тойло заметил, что редактор, читая статью, раза два вздрогнул.

— Да, — сказал редактор, утирая обильный пот с лица. — Сильно. Значит, умеешь, когда хочешь. Пока что остаешься на работе.

— Может быть, еще маловато? — спросил повееселевший Тойло. — Может, приписать, что они, эти дети, во время уроков кусались по приказу советских учителей? А? Я могу.

— Ценная мысль, — сказал редактор. — Голова у тебя работает, Тойло. Ты вовсе не такой тупой, каким кажешься. Но эту ценную мысль мы проведем в другой статье.

Они дружески попрощались. И расстались очень довольные друг другом.

Константин ФИНН

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА ГЕРМАНСКОГО ПОЛЕВОГО СУДА

«...Подсудимый Ганс Дрехлен, 98 лет от роду, не пожелавший в свое время добровольно вступить в полк «Молодая Германия» и выказавший этим неверия в победу германского оружия, обвиняется в утайке от правительства одной пары поношенных трикотажных носок и в отсутствии бодрого вида.»

Прокурор фон Гиндель.
(«Красная Армия»)

ОГОРОДНЫЙ СЕЗОН В ГЕРМАНИИ

Встречаются два немецких крестьянина.
— Ну, как идет посадка в вашем селе?
— Как? Да вот пятнадцать человек посадили на десять лет и четверых — на три года.
(«Во славу родины»)

ДОБРЫЙ КРЕДИТОР

Франц: — Фюрер мне должен солидный кусок земли на Украине. А поверишь ли, Курт, я взял бы за весь долг маленький кусок черствого хлеба.
(«Героический штурм»)

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Михель: — Надоела мне конина! Через месяц мы будем есть украинские арбузы.
Мориц: — Ты думаешь, они растут и на том свете?
(«Сталинец»)

НЕСБЫТОЧНАЯ МЕЧТА

— Ну вот и исполнилась ваша мечта, герр Пферд: вы стали украинским помещиком. О чем же вам еще мечтать осталось?
— О том, чтобы остаться живым...
(«Сталинец»)

В РУМЫНИИ

Рис. Б. Фридкина



— Мои сыновья прислали письмо с Урала.

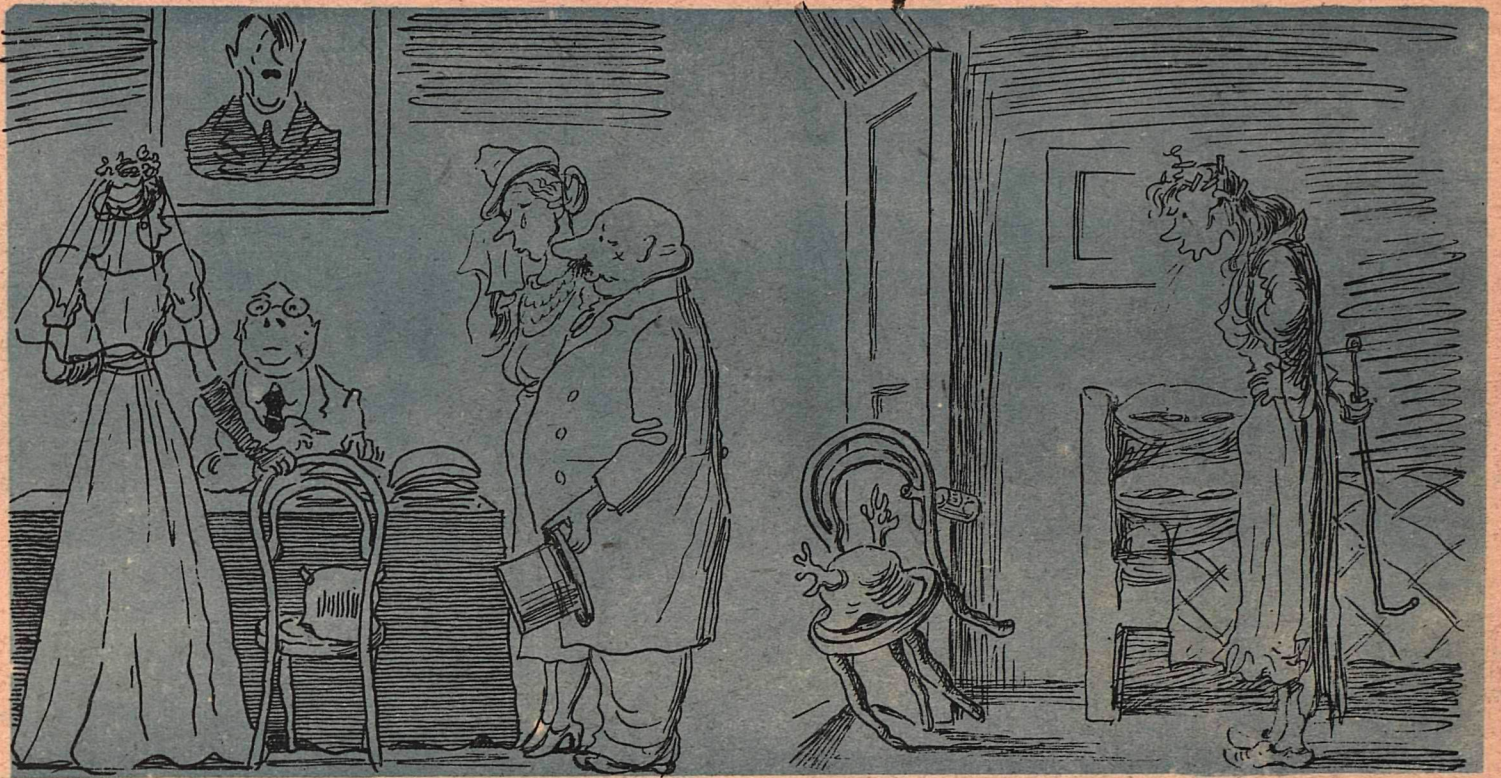
— Неужели они уже дошли до Урала?

— Зачем — дошли! Их русские довели.

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ

В Германии появился новый вид брака — брак на расстоянии. Его заключают в том случае, когда жених находится на фронте. Тогда невеста одна является в отдел регистрации брака, а место жениха занимает стул, на котором лежит каска.

Рис. Н. Радлова



Под венцом.

Месяц спустя.

Полевая почта №...

Половина

НЕДАВНО мне показали любопытный листок. Сверху написано: «Соревнование снайперов роты». А ниже — против фамилий снайперов — цифры: счет битым фрицам. У кого — 10, у кого — 12, у кого — 31. У Козычкова — ровно 100. У Фигуркина — целых 135. А против фамилии Ситника странная цифра — 135½!

Я, как до этой цифры дошел, и читать перестал. Мне представился немец, аккуратно разделивший надвое: ноги и живот с пряжкой «Бог с нами» шрапнот в тыл, к своим; а руки и простреленная армейская голова повисли на бруствере окопа и составляют лубимую полубизну.

— Это что же такое? — спрашиваю.

— Это, — говорят, — работа снайпера Ситника.

— Понимаю, что Ситника. А вторая — то половина фрица куда девалась?

— Да нет, — говорят, — не то чтобы девалась куда-нибудь. Фриц, как с елки свалился, так и лежал целый; и руки, и ноги, и голова на месте, и автомат рядом. Головину Ситник сработал. А вот на вторую половину хозяйина у нас не находится. А дело было так. Когда немец с елки упал, Ситник говорит: «Это моя работа». А вечером осмотрел лубимого немца,

вернулось, руками разводит: «Я ему, говорит, в бровь целдел. Моя дырка в брови. А ему еще кто-то в самый глаз попал. Недаром мне послышалось, что в одно время с моим дружкой выстрел раздался. Пишите, — говорит, — мне половину. Мне чужого не надо. Лучше пусть половина, да своя». Так и записали.

На дружкой день я познакомился

с Ситником. Разговорились. Ситник смутился.

— Не знаю, как мне счет округлить, — сказал он краснея. — Сегодня еще одного снял — 136 с половиной. Еще сниму — и опять с половиной! Никак целое число не получается...

Ираклий АНДРОНИКОВ

Калининский фронт.

Эйн, цвей, дрей!

О НЕМ — молодом коренастом задористом разведчике — сложена песня:

«Под тяжестью снега склонилась ветка,
Лесною дорогой проходит разведка —
Здесь нынче скользили немецкие сани,
По санному следу проходит Мисанов.
По вражескому следу лесною тропой
Шагает Мисанов — разведчик лихой...»

Лихой разведчик. Слава эта держится за ним прочно. Орден Ленина на груди.

Мисанов рассказал мне эпизод, который сделал его знатным бойцом в своей части. Он был тогда еще сержантом.

...Случилось так, что они оказались в городке, занятом противником. Разведчики сделали свое

дело и должны были выбираться. Но как? По улицам безостановочно рыскали немецкие патрули, маршировали колонны. Проскользнуть мимо них безнадежно.

Мисанов наблюдал за немцами из нижнего этажа полуразрушенного дома. Они двигались мимо его окна: по двое в ряд, с поднятыми воротниками, резко взмахивая руками.

— Эйн, цвей, дрей! Эйн, цвей, дрей! — слышалась команда.

Созрел план: построить товарищей своих по двое в ряд, поднять воротники, взмахнуть «по-немецки» руками и пойти уверенным шагом. Какому фрицу выбредет на ум, что в городке, занятом немцами, по мостовой шагает красноармейская разведка?

Как только стемнело, Мисанов вывел разведчиков во двор, выстроил их за забором и прорепетировал. «Лучше не сыграть! В

это время по улице шла какая-то немецкая часть. Вот она выдвинулась уже вперед. Мисанов спокойно подал команду:

— Эйн, цвей, дрей! Эйн, цвей, дрей!..

Ох, и лихо говорил Мисанов по-немецки! Правда, он знал только одну эту фразу. Но зато как хорошо получалось:

— Эйн, цвей, дрей!

Он вывел подразделение на улицу. В темноте на ходу пристроил его к немецкой колонне и повел. Так они успешно прошагали через весь город и очутились в поле. Там Мисанов осторожно «отстегнул» ведомых от ведущих и повернул к своим.

Приходилось ему и за «сырком» охотиться и тяжело раненого командира своей роты из гитлеровского плена выволочить. А однажды он с товарищами такой тарарам в тылу у немцев поднял, что испугавшиеся фрицы покинули деревню, куда ночью заглянул Мисанов, и несколько дней затем обвезжали ее как прокаженное место.

«...Гостей разбудил он разрывом гранаты.
Врагов угостил он огнем автомата,
И где ни пройдет он, ногой где ли ступит,
Чернеют повсюду немецкие трупы».

Это из той же песни.

С. ТРЕГУБ
Действующая армия.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукопись не возвращается

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградская шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписка цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

А 61441

Москва. Изд. № 559.

Подписано к печати 27/III 1942 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2005. Тираж 200 000 экз.

20

V 170 4

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ

11 АВГ 1942

МУССОЛИНИ ИЩЕТ ВЫХОДА

Рис. Бор. Ефимова

Период и сроки	„Лет рецепт“	„Журн. лет“
Получ. р.г.		
	12/VIII	
	10/X 42	



Бор. Ефимов - 42.

— Умоляю вас, почтенные гуси, спасите Рим еще раз!
 — Поздно! Нас угоняют в Германию!